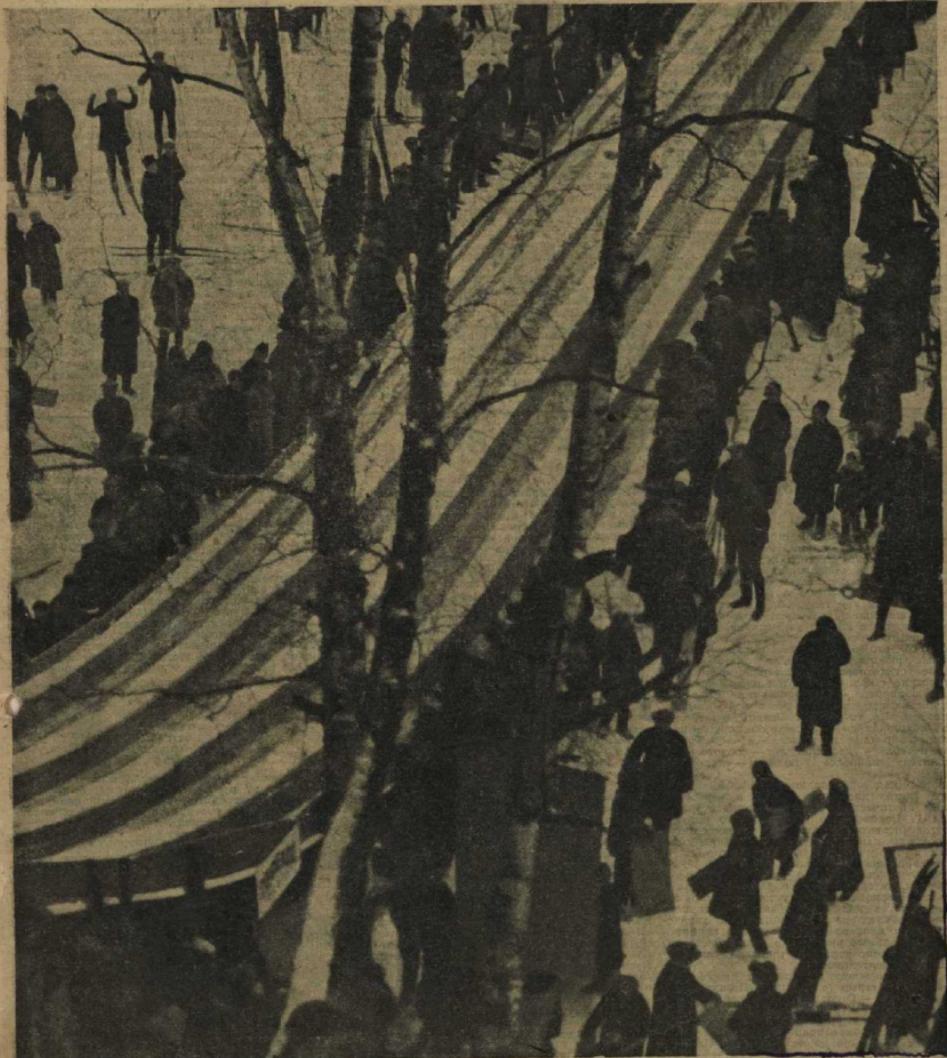

№ 24—1928

Цена 10 коп.

С М Е Н А

ДВУХНЕДЕЛЬНЫЙ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ КОМСОМОЛЬСКИЙ ЖУРНАЛ

Зимний праздник на Ленинских горах в Москве.

Фото-этюд Н. Кудряшева.

Издательство „М О Л О Д А Я Г ВАРДИЯ“

ДВУХНЕДЕЛЬНЫЙ
ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ
КОМСОМОЛЬСКИЙ ЖУРНАЛ

СМЕНА

РОМАНЫ, ПОВЕСТИ, РАССКАЗЫ.—ПУТЕШЕСТВИЯ И ПРИНЮЧЕНИЯ.—ЖИЗНЬ И БЫТ МОЛОДЕЖИ.—НАУКА И ТЕХНИКА.—
НИНО И ТЕАТР.—ФИЗИКУМ.—ШАХМАТЫ, ШАШКИ, ЗАДАЧИ

Редакция и копия: Москва, Новая пл., 6, тел. 1-81-01.

Подписанная плата: 1 год — 1 р. 80 к.; 6 мес. — 95 к.; 3 мес. — 50 к.

ИЗДАТЕЛЬСТВО „МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ“

№ 24

★ ★ ★

ДЕКАБРЬ

★ ★ ★

1928

НА ДЕННИКУ

Рассказ ДМИТРИЯ ПЕТРОВСКОГО

Рассказ Дм. Петровского ценен яркостью каждого отдельного штриха. Это скорее воспоминание пережитого, преломленное в форме художественного сказа. Автор сам испытал волнение схватки, встречи с врагом лицом к лицу, и поэтому он так эмоционально целиком умеет передать пафос боя. Петровский на опыте познал те чувства, которые руководили стихийным движением партизан и их самоотверженной борьбой против белых банд.

ШУМИТ-ГУДИТ конец Городни: Чернуос и Денис на Денинику братству ведут. А Лось—военком—по пустой конюшне ходит и лает: Денис всех коней под своих партизан забрал. Помстился Денис Лосю за его капитанскую спесь. Не понял Лось ходы эпохи,—не учуя духа буйных го-дов. Остался внутренне при погонях и при старом мировоззрении. Нехватило у него крыльев в душе и пороку в сердце, чтобы вспыхнуть и стать другим, новым че-ло-веком.

Еще с самого поставания не выносили они—Денис и Лось—дух друг другу, как собака коньку.

— Держите его под заводом,—сказал Денис морикам, Антону и Павлу, из подпольного комитета,—по-моему, ему только мобилизацию проводить, да еще по ин-дентантской части нам пригодится.

Антон с Павлом переглянулись и удалили братки друг друга по плечу (балтиец с черноморцем) и сказали ласково друг другу:

— Ух ты, гад!

А потому:

Душа с тебя вон!..

И завались борьться, как котята, по пятнистым пузам каждый.

Десантниковая громада их рухнула на пол...

Так еще с повстанья примирился Лось после боя в Городне одного человека с маузером и нацепился на маузер на коня, как на сало:

— Хорошо бы обезору-
жить, как я военком, и маузер
забрать.

Хоть и старорежимный был капитан Лось, но с крупной мечтой об оружии.

— Ты каковский? Кто та-
кой ходишь? Маузер при чем?
Парень не опешил—при-
бок, мол.

— Откуда взялся, говорю?
Я тебе не знаю...

Будто всех на свете Лось
должен знать, как есть он
военком или оракул.

— Я,—говорит парень,—бывшая гайдамака, а теперь вроде красный стрелок.

— Красный? Вот как! Хорошо. Идем в Ревков!

И привел парня.

— Вот он — гайдамак!

Эх, не догадалась Лось и проиграла! Дело: в Ревкове сидел Денис да Петро (братья), да два моричка (как известно, тоже братья). Это — Ревков.

Пока гайдамак каялся и клялся, а Лось его допрашивал, Денис маузер снял и оглядывал его, как молодой отец новорожденного сына,—дескать:

— Чучело ты мое рас прекрасно! Как это ты на свет родился! Ну, где же было такому ребеночку с отцовских рук, да в отчимовские (т.-е. Лосевые) перейти.

Гайдамаку, как показавшемуся, сунули Денисов паги вместо маузера, и отпра-вили в батальон. Не пропадать парню.

Да еще такому смельчаку: вчера был гайдамак, а сегодня обявляет себя красным и ходит по белу свету, как ни в чем не бывало... не боится ни тучи, ни хмар...

— По дурости и классовой бессозна-
тельности... Катись и будь верен рево-
люции!

Потрапал Антон его ласково по плечу и вырастыл эту красную свою рукою над гайдамаком красные крылья.

Лось вздрогнулся:

— Я нащел человека, и маузер мой, как и военком, при том же...

— Чотж, что ты военком? Тебе значит барахло собирать? А мы — Ревков, и на-
шее дело активное, боевое. Поэтому иди и
делай свое дело.

Запомнил Лось маузеромской: мучил его, мучил в батальоне всякими опросами да рас-
спросами, пока тот не выехал в действу-
ющему. В три дня довел и — слава воен-
кому.

А Дениса тоже кусал долго и в хвост и в гриву... Слезли, прищурясь, из своего военкомовского окнашка на всеми уличи-
ми действиями Дениса: на каком тут коне
ездят по городу и почему не ходят пеш-
ком.

— Коня люблю,—отрезал Денис,—и ре-
волюция — дело спешное, а не пешее. А
ты сиди и занимайся канцелярскими дела-
ниями, капитанское тво...

И девять месяцев Лось на все прохо-
дящие вооруженные боя璇, не за-
болтается ли еще маузер на его
его счастье при боку. Только нет. Редкостная вещь — вся
в боях ушла!

Так вот и ходил теперь Лось по конюшне... и плавал-
ся на пустые станции...

— А какие кони были?

— Все перевелось, Лось! —
казалось говорил ему с седла ускакавший впереди своей
пыльной чубатой сотни Денис...

Шумит-гудит конец Городни.

Музыка из парикмахерских,
с рекламиными шевелюрами в витринах, «яблочко» раска-
тывает, а Чернуос на коне, с которого
воробый помят можно, речь
говорят. Да еще на стременах
привстает, как будто на гаглянд

Тогда Денис, уловив момент, двинул свои сотни.

Редкий снимок. Партизанский отряд Д.М. ПЕТРОВСКОГО, боровшийся против немцев и гайдамаков в 1918-19 гг. В СЕРЕДИНЕ с позиций шашкой — тов. ПЕТРОВСКИЙ, автор этого рассказа.

Хочет высказать высоту своего буйного революционного сердца. И махнув рукой на музыкантов, в аэрарте не замечавших его наперсения, он держит речь.

— В ухо его блоха влезла и сделала его сумасшедшшим... — говорят про него в оркестре.

— Тона-а-а-ричи! — кричит Черноус. — Вот отправляем Дениса с партизанами всего рабочего класса на сломанный не приятелем вчерашний ночью фронт. И думаем, что не сдаст он наших местностей под колыблю контрреволюционной гидры, не притянется к белым... Надежда на то, что мощным ударом главной конницы своей выбогит он белых за переделенный мимо Мокшанский мост... Мы останемся здесь, чтобы...

— Добвольно, Черноус!

— Ма-а-арш! — вскрикнул Денис и подскакавшему к нему Черноусу буркнул: — Пока ты будешь упражняться в красноречии, Деникин до Городца дойдет...

Черноус вытер запекшиеся неоконченной речью губы.

Пока прицепляли паровоз (постоянный саботаж железнодорожников!) — ворчал Черноус, на платформе пела пляска. Плясали все сотни. Кому охота перед смертью грустью интересоваться?

РУССФОТО

КРАСНЫЕ КАВАЛЕРИСТЫ — учебная джигитовка.

— Умирать, так звонко умирать, — присев на корточки, Денис потянул за нос Альтона и перешел к делу.

— Штаны вешай? — спросил Антон.

— Должно быть везу: Черноус что-то в кабуре мне напихал и говорил, что для дивизионного...

— Посмотри, есть ли? Надо к дивизионному с подарком, авось чулаки-шапка какойнибудь дырявый выдумим. Ты у Лоси все забыл?

— Вчистую, — стучал Денис. — Три пулемета имеем. Не журись! Да за штаны утогрем одни, у Локотша.

— В общем при полном боевом...

— Стоп!

Поезд хрюкнул составом и стал.

Дивизионный спал на картах, разложенных на столе, когда вошел к нему Денис со штанами подмышкой.

По углам стояли телефонные аппараты.

— Локотш ты будешь? — разбудил его Денис. — Штаны на, получай!

— Прибыли?

— Даешь маршрут! И сразу напер Денис всем составом на сонного дивизионного, уже прикидывающего жалкие подусыканые шарабары на то место, где им полагалось быть.

— Да нет ли у тебя, брат, завалившего какого-нибудь пулемета, у нас совсем нет?

— Эх, пуземет, говоришь? — откликнулся тот. — За штаны спасибо. Да тебе пулемет. А на наш маршрут задержки не будет, хоть сейчас отправляйся. Он за мост ушел. У моста у меня есть кому. Из Брянска Советская Россия пришла, она и отодвинула их за мост. А ты бери правую сторону Десны. Вот тут... — дивизионный ткнул в карту.

Через полчаса восемьсот копат ударили в берег Десны и стали...

Рассвет. Боевой приказ получен. Денис выспался — пели всю ночь, и обезжажая ряды по строю, он говорил охрипшим, усталым голосом, будто говорил сам с собой:

— Братва! Я от призыва намерен отступить. Я изучил положение. Локотш устал и выбыл из соображения. Все у них тут запутано. Пусть же меня хотят расстреляют, а я пойду своим маршрутом в рез и наперегор и знаю, что так будут делать.

— Да ты не сумлевайся, — ответил кто-то из рядов, — раз так, так так. Об чем исповедываться?..

Конникам не терпелось. Рвались в бой: хотелось теснить неприятеля, как хочется в хороводе теснить девок. Румынцем горячие щеки.

— Ну, ребята, ладно, — поднялся Денис, оглядев мрачные рожи братьев, — за мною, мари!

И 800 копат снова пошли за Денисом, как шумящий кильватер идет за буйно поспешившим судном. Пыль, искривясь в рас светных косях лучах, золото канюю зашила узелушью конници. Впереди бежала пешая разведка из знаменитых скороходов. Правда она вышла раньше, но и теперь равнялась с идущую рысью конници и не хотела отставать. Киндр бежал, через плечо показывая свою замечательную зулу, перед ульбкой которых славились сотни красавиц, а теперь должны были сдаваться неприятельские сотни. Он говорил, подмигивая Денису:

— Раскин, Денис?

— Не знаю, Кныр, что со мною, верно поел я какой-нибудь гадости, — отвечал Денис.

— На покури мою трубку, от нее все гадости проходит, верно слово, — протянул ему трубку веселый Кныр. — Да не раскисай, две соли мышат ведеш!

— Да уж не ты ведешь, поросенок! —

наехал на него Денис и оттеснил прочь с дороги.

— Но пугаешь ты под копытами, расшибу!

И Кныр убежал далеко в поле по скаж-

тому колючemu, сторну босыми ногами,

смеясь и скляя свои белые зубы.

Вот он и мост.

— Во имя овса и сена! — перекрестился

Душка.

— Эх, братищечки, мост видать! — крикнул Кныр, снова бежа, как борзая, рядом с Денисовым конем.

Точи ножи, кусай сабли, — тараторил он, но видно стал волноваться боевым волнением. Ноздри его раздулись и из-под них.

Видно, почуя волнение всадников, присасившихся на седлах, и лошади стали водить ушами и раздувать ноздри. Денис посмотрел мельком на Кныра, который опять что-то тараторил, но уже не устремлялся, о чём тот говорил. Заметил лишь возбужденное лицо его и тотчас же забыл о нем, мгновенно собранный и сосредоточенный для одного единственного дела, вернее для одного единственного движения.

Он почувствовал себя как бы сделанным из того же материала, из какого сделаны пулеметные ленты, перекрещивающие его грудь.

...Пусть меня не возьмет, — почему-то подумал Денис, вообразив себя сплошной броней.

«А шашка возьмет?» — и, не ответив себе, Денис вдруг выхватил шашку и пошел на мост во весь карьер.

Лишь только вступил на мост двести всадников, с другого конца, появившимися из-под обрывов, внезапно вступило столько же неприятельских всадников.

Задорный их командир в красной черкеске драл голову коня на мундштуках, — игрался им и хохотал.

Бесело ехали белые умряты; и на это задорное веселье их гневно прихмурились партизаны и разом остановились.

Стали одни, как один, будто кореньями впились в землю, не спишишь — к земле присоедини.

Хоть под ногами был мост, а на земли, силу земли в себе получили мужики. Родную теплую землю, из которой веками добывали они хлеб.

На легкомысле праздничного задора оторванных от всякой почвы людей, сде-

лавших из храбрости танец смерти, — шла в рубку сама земля, прищурясь левым глазом каждого партизана.

Денису передалась с запахом конского пота эта земляная сила, идущая за ним, и сам он тяжело осел на коня.

Неожиданная пауза перехода от быстрого движения, которым красивые вехали на мост, к мелкому слегкому ходу убийственно подействовала на неприятеля, который в азарте разделился и ожидал встретить такой же азарт.

Массовый гипноз твердости и веры в свою нескоримость партизанских сотен паническим ужасом дощупал в лицо врага. И, не доехав трех последних саженей до места поединка, неприятель тоже остановился в ослабляющем раздумье. Тогда Денис, уловив момент, разом поднял саблю и двинул свою сотню. После нескольких сабельных ударов по мосту пронеслось: «сдаемся».

Дрогнула вся масса белых и опустила ходившие взывом плечи. Но красивые не отвечали ничего. Денис продолжал ехать, руясь направо и налево, на тот конец моста.

Только там обернулся Денис и увидел, что он один. Но в этот же миг, как он оглянулся, на мосту началась рубка и давка, превратившая людей в груду окровавленных, сдавленных тел.

А Денис стоял и думал:

«Верь хоть в шелуху от ореха, коли способен, но твердо верь — и орех тебя не предаст, и орех тебя спасет».

БЕРЕТ БАРЬЕР — конно-спортивные состязания красных наездников.

И только подумал — вдруг вовсе думать перестал... Очнулся, уже каявшись между коней на затянутом брезенте, и спросил:

— Победили?

— А конечно, — отвечал Дроздик.

— А конечно, — отвечал Душка.

— Как ангели — с обеих сторон, — со-стрил на них счет Кныр.

— Что у меня порублено? — спрашивал Денис, пробуя пошевелиться, но понял, что скручен по рукам и ногам, как сплел-нүтый младенец.

— А много чего порублено, а больше того потонгено, — отвечал Душка. — Да ты не сумасшедши, выходиши.

— Да, выходиши! — кризисно, как ребёнок, со слезами в дрогнувшем голосе сказал вдруг Денис, поняв, что теперь уже не придется напрягаться, и почувствовав от этого потерю и как бы сиротство. Но сладкая нежность товарищеской внимательности, которую он чувствовал близко, как в детстве от материнской ласки, успокоила его, и он заснул.

ТОВАРИЩ ЧИТАТЕЛЬ!

Этот номер журнала „СМЕНА“ — последний за 1928 г.

Не забудь ты внести своевременно подписную плату за журнал на 1929 год? Запоздание в посылке подписной платы вызывает задержку в высыпке журнала.

Привлечь ли ты своих товарищей к подписке на журнал „СМЕНА“ в 1929 году? Помнишь ли ты о своих обязанностях активного читателя журнала, о том, что тираж журнала надо повышать усилиями всех подписчиков? Не забывай также о конкурсе на лучшего распространителя журнала „СМЕНА“, где каждый участник может получить денежные премии и бесплатную высылку журнала и его приложений.

Ознакомился ли ты как следует с проспектом приложений к „СМЕНЕ“ в 1929 году? — Ежемесячный журнал „На суше и на море“, шесть книг „Библиотеки путешествий, приключений и краеведения“ и шесть книг библиотеки „Жгучие вопросы“. Все эти книги оригинальные и даются подписчикам „СМЕНЫ“ по несравненно дешевой цене, чем они будут стоить в отдельной продаже.

Ждем сообщений от читателей об их успехах на фронте подписки.

Редакция журнала „СМЕНА“

В ТАЙГЕ

Стихотворение ИГОРЯ СТРОГАНОВА

Вспомнил покров синеглазого дnia,
Пища и кров — дороги;
Тот не побьет никогда меня,
Кто не видал тайги.

Много и часто я голодал,
Шлялся в тайге — одни,
Много и тайг ее узнал,
Много —

Прошел тропин.
Помню:
Приманку коряевых крыши,
Помню оленей гурт.

Помню тебя —
Голубой Иртыш,
Помню становые юрт.
Милая —

Как я люблю тебя,
Так и сказать боюсь,
В городе я продам соболя,
Снова к тебе вернусь.

Снова из хвоста вырвется дым,
Буду я звезды считать,
Снова я буду искать следы
И соболей стрелять.

ДРАМА ВОЛЬДАХ

Рассказ ЭДЛИС СЭРГРЕВ

(Окончание)¹

УННИХ была твердая почва под ногами,—ничем не хуже пашни парохода или пола в поезде. Земля, как земля, если только можно назвать землей глубокий лед. Вся разница в том, что итти вперед было незачем: теперь они ехали. Их несло на северо-восток — в сторону, противоположную жизни,— и тут ничего нельзя было изменить. Продигаться на юг было бессмысленно. Путь кончился; наступило время последнего привала.

Но если нельзя было самим спешить к спасению, оставалось ждать его к себе. Помощь ^{будет} прийти только извне, из оставленного мира. Проспект во-время — жизнь; запоздает — смерть.

Саббаторе бросился ничком на лед: длинное и узкое тело судорожно вздрогивало; потом он поднялся, шатаясь, и замер. Торбальдсен неподвижно стоял, прислонив отжелевшую голову к глыбе льда. Ферри сидел, грубо опершись на скрещенные под грудью руки; им владела последняя апатия. Саббаторе снова упал, снова поднялся, сорвал зубами перчатку с правой руки, и стал с криком грызть пальцы, чтобы заглушить вопли и оструй болью голодную тоску.

— Нас ищут, — сказал Торбальдсен, подняв голову. — Я знаю это.

Ферри безучастно поглядел на него. Командора занимала только одна мысль — выпить горячего, наполнить рот кипятком, располненным салом, расплавленным оловом...

Торбальдсен повысил голос:

— Я хочу сказать, что нам нужно все-таки пойти вперед. Нам нужно дойти до воды.

Ферри неожиданно вскочил. По лицу его пробежала судорога.

— Я приказываю ити. Мы теряем время! — с лихорадочной быстротой он бросился к Торбальдсену. — Мы пойдем сейчас же, сию минуту! — в тревоге он перешел на родной язык. — Если нас разыщут, нам подадут на вино — густое, крас-

¹ Начало см. в № 23 „Смены“.

ное вино; его можно подогреть. Саббаторе разогреет его для меня.

— Не понимаю, — сказал Торбальдсен, отстутив. Его поразил этот реальный перелом Ферри от апатии к возбуждению.

Командор подскочил:

— Эврика! Мы согреемся сейчас! Я нашел! Мое счастье я понесу сам! В своем мешке! А саквойж мы сожжем. Сожжем саквойжи! Мы славно погремеем, моя друзья. У меня есть сталь внутренности. Я — яд! Я — глетчер!

Саквойж дал больше дыма, чем тепла; люди жадно склонились над огнем, опалия усы и бороды. Но консервы не разогревались на легком огне; снег таял, оставаясь холодным. Голая каменная жаба сидела на льду; омерзительная и цветущая, она была неизменна.

Когда костер догорел, они двинулись за запад. Свой мешок с мактоттой Ферри тащил за ремни по льду.

Несмотря на сдержанный шаг, путники достигли воды совсем скоро. Зеленая колеблющаяся равнина была заполнена огромными льдинами. Дальше ити было впрямь некуда.

— Вот и все, — сказал швед. — Нас ищут.

От головы ему казалось, что живут примерз к крестцу.

Они легли. Саббаторе прижался к боку Торбальдсена, притиснул свою голову ему подмышки и успокоился в тяжелом одцеплении.

— Спать! — простонал Ферри, порывисто приподнимаясь на локте. — Дайте мне спать!

Но его организм уже не принимал сна.

Швед крепко закхмурил глаза, крепко сцепил зубы, скжал руки в кулаки и так прижался виском к дорожному мешку, служившему изголовьем, что свело скелы. Он постарался представить себе синячу, что прирос ко льду, потому что составляет со льдом одно, что его внутренности, его дыхания, чувства, мысли — лед. Постепенно он перестал страдать. Напряжение заснуло...

Когда Торбальдсен проснулся, Ферри сидел рядом с ним.

Перед Ферри стоял фетиш. Зубы Ферри почти выбивали извилистую дробь. Швед отвел от него глаза. Саббаторе стоял ритмично и без выражения, как машина, вырабатывавшая боль.

— Меня спасут, — огромным усилием произнес командор, видя, что швед проснулся. — Маскота мои. Спасут меня одного.

— Нас ищут все время, — выдавил швед из своей коченеющей горлышки.

— Спасут меня, — монотонно сказал Ферри, указывая пальцем на свою шею. — Я должен дождаться до спасения.

Швед не ответил.

— Мне нельзя умереть, — строго покачал головой командор. Он лег, завозился и положил обе руки под щеку.

Торбальдсену было невыносимо трудно двигаться и шевелиться. Но он знал, что потом будет еще трудней. Он приказал себе встать, приказал вынуть из мешка блокнот и начать писать; буквы уже не было в его почерке: были сломанные черточки, треугольники, искалеченные полуокруги, похожие на звериные следы...

Несколько

... 17 июля 1928 г. 800° 15' сев. шир. Тихо. Нас минут. Я знаю. Нас зовут радио всего мира. Так должно быть. Саббаторе койтается. Я здоров. Могу продержаться еще четыре дня. Писать не могу, двигаться даром не могу. Важно для науки: Ферри поклоняется фетишу. Полковник Ферри—обезьяна. Осмотрите его ступни, исследуйте мозгечек. Как холодно...»

Обессилен, он оставил блок-нот валяться на льду.

Командор слабо дернула его за руки:

— Вы умираете? — спросил он глухим и быстрым шепотом.

Торбальдсен поднял голову.

— Нет. Еще можно держаться.

Он взглянул на лицо Ферри и вздрогнул. Если бы об исхудавшем лице говорят, что от него остались одни глаза, то в лице командора прошло все, кроме косматого подбородка, выдавшегося далеко вперед.

— Саббаторе умирает, — сказал Ферри, подтачивая свое тело поближе к Торбальдсену, и почти всплеснула.

Швед молчал...

— Саббаторе умрет, — настойчиво продолжал командор, — тогда мы его...

Саббаторе перестала стоны. Мгновение спустя она издала пронзительный нечеловеческий крик. Торбальдсен вскочил на ноги. Саббаторе судорожно села, упираясь здоровой рукой в лед.

— Я жив! — крикнул он по-итальянски. — Вы видите — я жив! — Кусок какого-то кровавого студня выпадал вместе с криком из его губ и застрял в бороде. Командор хотел встать, но упал на четвереньки и только приблизил свое лицо к лицу Саббаторе.

— Это бунт! — захрипел командор, не помня себя. — Молчать! Я приказываю. Бунтовщикам предают суду.

— Я жив! — выкрикнул Саббаторе.

Торбальдсен выхватил из своего мешка круглую жестянку. Это были последние консервы.

— Получайте! — крикнула он, бросая жестянку между Саббаторе и командором «Роккеты». Ферри сразу замолк и набросился на добывчу; дрожащей рукой он отцепил от пояса нож. Саббаторе всхлипнула и затихла дыхание. Жесть завершила под ножом.

Полярный воздух абсолютно чист и абсолютно пуст. Можно пройти всю Арктику, не уловив ни малейшего запаха жизни. И если, случайно, обоняние находит пищу, человек пыняется.

Ферри поранила себе пальцы. На меуху рукачицы выступили кровью. От ее запаха и от ощущения тепла командр обезумел.

— Гей! — зарычал он, обращаясь к шведу. — Из-за вас я поранил руку.

Но швед стоял, обернувшись к нему спиной; он стоял с сжатыми руками, закинув голову и подавшись всем корпусом вперед.

«Он молится», — подумал Ферри.

Револьвер был страшно тяжел. Почти так же тяжел, как маскотом. Командор подняла его на уровень груди; оружие оттягивало руку, и он поддержал ее другой рукой.

Торбальдсен обернулся. Он крикнул что-то бодро и звонко, но в это мгновение грянул выстрел. Сначала Саббаторе понял только, что консервы свободны, и западал ими; звук выстрела еще не дошел до его помутневшего сознания.

Торбальдсен упал, широко распахнув руки.

Только тогда Саббаторе услышал грохот. С ужасом он поднял руку к глазам, но, не удержав равновесия, свалился на бок.

Ферри бросился к трупу Торбальдсена и припал к его груди; пыль прошла наявлет. Командор пил горячее. Горячего было много, но оно заставляло горло и с трудом прокатывалось по пищеводу в желудок.

Согрелившись, Ферри встал и потянулся. Он был потрясен.

— Мадонна моя! — прошептал он. Шум в его ушах рос, ширился, распирал голову и грудь. Ровный густой гул несся над ледяной пустыней. К горлу Ферри подступила судорожная тошнота. Он в ужасе растяжка Саббаторе и грузно сел рядом с ним.

— Я страшно пьян, — пробормотал командор, — помоги мне!

Буквы на изображении: *буквы*

Саббаторе услышал и открыл глаза. Увидев окровавленное лицо, он в предсмертном томлении заметался головой по льду. Внезапно он дернулся, как бы порываясь встать, и захлебнулся счастливым вдохом.

С юга летел аэроплан, он шел низко над пестро-пленной зеленой водой и его утренний рокот приближался с каждой минутой.

— Ловите его! — пролепетал Саббаторе.

Ферри осталась; закинув голову, он улыбался. Вдруг он вскочил на ноги и потряс кулаками.

— Скорей! — крикнул он вверх. — Скорей!

Саббаторе легко и ловко поднял со льда свое омертвевшее тело.

Он чувствовал себя крепким, довольным, молодым, — да и могло ли быть иначе? — Стоял такой теплый полдень, так славно цвел боярышник над заливом! Кроме того, Саббаторе назначили командором дирижабля новой конструкции. Пока дирижабль подадут, можно успеть отлично выкупаться! Но как трудно снимать сапоги, если одна рука здесь, а другую забыты дома!..

Гуденье аэроплана становилось все ближе и ближе.

Ферри потряс его за плечи. Лицо командора страшно дергалось.

— Зарубите себе на носу, — он так и сказал, — зарубите себе на носу, идиот! Это вы убили шведа в пылу ссоры: он поносил бога и короля. Слышиште, вы?

Саббаторе нахмурился и гордо поднял голову: ему решительно не нравился этот тон. Чорт знает, что делается в армии! Форменная крамола!

— Молчать! — взмыгнул он.

Правая рука его медленно поднялась, останавливаясь и дрожа.

«Он убьет меня!» — пронизала вдруг мозг Саббаторе удивительно реальная мысль. Все мускулы его напряглись; грудь, плечи, даже темя налились дикой энергии. Он выхватил из-за пояса револьвер и выстрелил. Командор упал навзничь.

Саббаторе вызывающе огляделся. Цветы боярышника были сплошь усыпаны пчелами; пчелы оглушительно гудели; их становилось все больше и больше...

Тут он заметил, что на солнечном леске сидит большая жаба; передние лапы ее были подняты.

— У... потаскух! — прорычал он. — Мадонна!

Он хотел опрокинуть ее ногой, но тварь была очень тяжела. Тогда, судорожно вздыхая и захлебываясь, он провел ее по скрипучему льду и стонул в воду...

Потом воздух померк от пчелиного гула.

**

Аэроплан J R 2 исполнил свой долг; он снизился и сделал посадку. Люди, которых он привез, сошли на лед. Саббаторе встретил их без особого восторга.

— Я приказываю оставить меня одного, — сказал он, — я командр.

КОМСОМОЛЕЦ В СЕМЬЕ

Очерк ФЕДОРА МАЛОВА

ВОПРОС этот большой и сложный. Известно каждому, что ребята и девушки в обстановке завода и клуба живут одной жизнью, а в семье, среди близких родственников и просто знакомых и соседей — другой. Такое положение не редко раскалывает мировоззрение и расширяет психику молодежи. Возникает невероятная путаница жизни, сложные и тяжелые противоречия.

Не раз мы заговаривали о необходимости сообща продумать этот вопрос и поставить его на расширенных собраниях ячейки. Но секретарь Котошкин только отмахивался:

— В бирю и без того...

Молодежь затихала на некоторое время, но разговоры на эту тему разрастались сами собой еще сильней. Где бы ни собирались ребята и о чём бы ни разговаривали, речь неизменно сводилась к стадии:

Вот, что можно было услышать от ребят в такие минуты:

— В семье требуют от нас одного, а здесь на заводе, в ячейке — другого! Если полностью соглашаться с семьей, из нас плохие комсомольцы выйдут! А если резко и твердо настаивать на своем — пройдет помаячная ломка жизни. А как нам поступать, ячейка не учит и не обращает на это никакого внимания.

— Меня дома все время ругают, постукают бы, говорят, дурак, на хорошую должность, чего ты общественным делами заниматься. Время ведешь, словно за делами, а пользы нам в семье от твоих хлопот нет!

— А у меня дома форменный клуб для соседок. Приходит она еще утром и чешут свои языки на все лады до полночи. Ничем заниматься при них нельзя. А выгнать их из комнаты родители не позволяют. Благодаря этому я и мечусь как уголовник: то к одному товарищу бегу от тоски, то к другому. Так и идет время зря, потому что клуб у нас далеко от дома, туда не находимся.

— У меня, ребята, еще хуже пожалуй, — выступила как-то дотоле молчавшая комсомолка Елизарова. — Лишь только узнает мать, что я на собрание иду или в клуб, так и запирает дверь на замок. Прихожу домой, сколько ни стучу, не откроет — иди куда хочешь. А если пустят, сама рада не будешь: завяжется такая ругань до рассвета, что еще больше измучашся. У нее, у старой кагри, один раз говорил: «Отбилась, ведьма, от рук, изволнничалася! Чего ради шатаешься по своим собраниям? Срам один. От домашней работы бегаешь! Я ей на это и то и другое, по она ничего врезон не берет! Поживу еще немножко, потерплю, а потом все равно что-нибудь нужно сделать. Так жить мне совсем нельзя!»

— А ты молчи, не говори с ней ни о чём, — посоветовала подруге Иванова. — Зачем тебе ей обо всем докладывать?

— Подругу мне стала подсыпывать, — продолжала рассказывать Елизарова, — а мне тошно смотреть на

— Нет, а если она осознает совсем, — вступилась Иванова, — и будет требовать от тебя ухода из комсомола, тогда что?

— Незнаю, — съబью ответила Елизарова.

На очередном комсомольском собрании молодежь решительно потребовала от Котошкина включить этот вопрос в повестку дня. Секретарь, прижатый к стене, нехотя согласился и только в конце собрания допустил ребят к обсуждению. Заявление от молодежи поступило много. Однако Котошкин в заключительном слове высказался лишь «в общем» и категорически запротестовал против открытия специальной кампании, ставящей целью помочь комсомольцу наилучшим образом ориентироваться в семейной среде.

— Не понимаю, почему так горяча вы на этом настаиваете, —резонно говорил он перед собранием. — Для нас это давно совершенно ясно. Чего будем жевать, мы самые элементарные истинмы? Конечно нужно вести себя так, чтобы жизнь не ломалася совсем, а постепенно перестраивалась на новый лад. Если где легко поддается — там смело нужно проводить свою линию. Но если семью никакой силой не переломишь, тут уж необходимо

тактически действовать. По мере возможности перетягивать на свою линию...

И, не успев как следует договориться, он схватил звонок, оглушительно заверкал им и закрыл собрание тут же.

Жизнь Елизаровой становилась все тяжелее. Мать, хотя и жила на полном ее изживании, однако держала себя по отношению к дочери деспотично. Она пилила Дусю ежевечерне и не давала ей возможности хотя немножко отдохнуть дома после работы. Жизнь на содержании Дуси, мать на зло, перестала что-либо делать по дому: не прибирала комнаты, не стирала, даже не готовила обеда.

Бросай водиться со своими лодырями, чортовкой!

— Да что тебе от меня нужно? — спрашивала Дуся, доведенная до отчаяния. — Я обо всем забочусь, не ты. Не хочешь делать ничего для меня — и не делай.

— И не буду!..

— Ну и живи ты пожалуйста смирно, не ломай меня. Ложи, сиди, иди куда хочешь, я не мешаю тебе.

— А вот я настою на своем, и все ту! Жизнь не останусь, а по-своему сделала!..

— Делай, делай, что хочешь, уеду я от тебя! И мучила ты меня, а за что и сама не знаешь.

На другой день вечером Дуся Елизарова поймала Котошкина в длинном коридоре фабрики и решительно заявила:

— Помогайте мне из силы я выблазы! Слезите к матери, постращайте, поговорите, застыщитесь за меня. Вас — та она лучше послушает, чем меня.

— Ни к чему это, — бросил на бегу Котошкин. — Все равно никакой пользы из этого не получится. А ездить по родителям мы не можем. К тебе поедем, другие тоже станут просить. Что ж, по-твоему, мы и должны ездить к каждому, да мирить вас, как свахи! Прощай!

Он наспех по привычке крепко стиснул ей руку и нырнул в глухой сумрак

„Домашний уют“ каким он бывает для многих комсомолок.

длинного коридора. Елизароваостояла не много, раздумывая о том, спрашивая еще кого-нибудь из членов двора или нет, и потом грустно направилась к выходу.

Дома ее ожидало горе: мат с утра подыскала себе жильца и теперь приехавшая расставляла свои вещи в комнате. Дусина постель была разворочена, корзинка с книгами вытащена из-под кровати.

— Теперь я и без тебя проживу,—злобно встретила ее мать,—платы за квартиру мне хватят!

Дуси не ответила матери ничего, со брала небольшие свои пожитки и, взглянув на двухколесную тележку, взятую у соседа, повезла на себе все свое имущество к подруге Шаповой.

Даже и тогда, когда Котошихину стало известно об уходе Елизаровой из дома, он упорно не хотел предпринимать ничего. Однако яичница самостоятельно создала комиссию для изучения домашне-семейных условий комсомольцев.

Тroe ребят и две девушушки обедали все квартиры комсомольцы и потом предстали на биро собранным материалом.

Прежде всего стало ясным, что комсомолец живет дома чрезвычайно неорганизованно. Чтобы избежать этого, некоторые из ребят просто не говорят в семье о том, что они комсомольцы, и ведут себя так, чтоб это не оказалось заметным. Многих семей таких, где постоянно горит вражда и скора на этой почве. Но самым характерным явлением оказалась социально-бытовая разнородность членов семьи. Так, комсомолка Таня Ипприкова живет в семье, где брат учится в вузе и совершенно оторвался от родных в смысле культурно-бытового общения. Мать — неистово верующая женщина — возится с религиозными книгами, иконами и лампадным маслом. Отец пьет горькую и почти каждый день громит всю квартиру, — не успевают заводить новую посуду и обстановку. Другая сестра служит портнихой в ателье мод и несет в семью только обывательщину и мещанство. Она устраивает на дому свидания, принимает частные назначки и водится с подругами — большими

охотниками до такси и шикарных ресторанов. Таня живет в своей семье как чужак и ни с одному из родственников не может подойти близко.

Когда явилась комиссия от яичники, она мыла пол, мать собиралась ко всенощной, отец пьяно бормотал за столом, а сестра-портниха делала машинкой за ширмой. Брат был еще в вузе, и только разбросанные в углу книги, чертежи и образцы каких-то разноцветных металлов свидетельствовали собой о той плохали, которую он занимает.

Другой комсомолец, Завьялов, нянчился с двумя детьми замужней сестры, которая живет у него. Он рассказал комиссии тоже невеселые факты о своей жизни.

— Как только приду с фабрики, так и за детей. Сестра работает по вечерам прачкой — ребенок на моих руках остается; муж у нее в Красной армии. Няня наять — средств нет, да и где она жить будет: комната, как рукавина, тесная. Я куда бы сходил, учебный заняться хочется, а ничего нельзя. Только и надеюсь на будущее. Может изменится жизнь моя к лучшему, тогда возмусклю за общественную работу.

Но и те комсомольцы, семейную жизнь

СТАРОЕ И НОВОЕ — в одном углу два столетия, два уклада.

которых можно назвать вполне спносной, тоже не очень благополучны. Если нет дунераздирающих драк и резко сложившихся духовных противоречий, комсомолец обрастает обывательницей, легко поддается чуждым влияниям со стороны, становится безвольным и апатичным, а не организует по-новому жизнь, что бы следовало ему горячо делать по своему положению.

Это происходит опять-таки потому, что общественная и политическая жизнь молодежи перенесена целиком в обстановку яичники и фабрики. Комсомольское руководство следит и заботится только о том, чтобы ребята были активными на их глазах.

Присмотревшись к материалу, Котошихин развел руками:

— Что нам с ним делать? Без райкома у нас нехватит сил принять здесь практические мероприятия.

Ну и отошли туда, — согласились ребята — Пускай, гляди на нас, и на других фабриках то же самое сделают.

— Требуй, чтобы повесили широкую кампанию в печати. Вопрос тяжелый и сложный, а на него пока не обращают внимания.

Котошихин сам отвез пакет с материалом в райком и сделал там подробный доклад. Возвратился совершенно растерянным и хмурым. Ребята предполагают, что ему сделали там строгий выговор за бездущное отношение к вопросам личной жизни комсомольцев.

КУЛЬТУРНЫЙ ДОСУГ — за шахматной доской, близок эндшпиль.

Яичники

ФАБРИКА БОЛЬШОГО ИСКУССТВА

Очерк В. ЯДИНА и Л. ЗАЛИНДА

«Визит» — кадр из дипломной работы роенистки выпускника ГТИ — Белостоцкого — «Тяжелая должность».

от Ханжонкова до ГТИ

БЫЛО детство кинематографии. И были Ханжонков и Ермольев — фабриканты-купцы, рожавшие русскую кинематографию...

Женя Ханжонкова устраивала в актрисы знакомых дам. Изредка шли актеры из театра. Те и другие понимали в кинематографии столько, сколько мамонт в машиностроении.

Школы и теории кинематографии тоже не было. Работали по стародавнему принципу: «авось».

Потому, когда советскому зрителю показывали трагедию «Молчан, грусть, молчан», он захлебывалось хохочет, принимая ее за веселую пародию.

В семнадцатом задумали новые ветры...

Вместе со всеми рухнуло старого искусства — опрокинулась ханжонко-ермольевская кинематография.

Новые люди стали создавать новое кино. Отсюда начинается история советской кинематографии и ее школы.

Талантливый Кулесов и его соратники впервые заговорили о точной науке для кинематографии. Кулесов утверждал, что кинематография нуждается, как и техника, в точно обоснованной, научной теории, а актер — в техническо-производственной подготовке.

Новые картины подтверждали кулешовскую теорию. Вокруг него собирались наиболее известные ныне мастера: химик Пудовкин, спортсмен Фогель, инструктор Евсебиус Оболенский и др. Под руководством Кулесова они тренировались и учились.

Так создавалась школа. Через пару лет эта школа превратилась в кино-техникум.

Первые наборы дали сотни жаждущих. Среди них многие желали выучиться на Веру Холодную.

Было и холодно, голодно. Отсутствие хлеба почти не удивляло. Беспокоило и смущало абсолютное отсутствие какой бы то ни было системы: преподаватели и системы менялись неизменно и регулярно, как ход минутной стрелки.

После занятий студенты лежали на спинах в подвале общежития. Наиболее слабые (девушки) плакали от голода.

Мерзли в шелковых носках быстро пронюхали положение техникума.

Общежития стали приезжать изящные дамы с Кузнецкого. Они привозили коньяк «три звездочки», контрабандные ликеры и увозили голодных девушек в прокатных машинах.

Многие из тех, кто мечтал выучиться на Веру Холодную, быстро нашли покровительницу.

О техникуме заговорили. Говорили так, что студенты, приходя в учреждение, синими или с лацканов пиджака гетековские значки.

Печалило не только это. У руководителей тогда только складывавшегося кино-производства отношение к техникуму было отрицательное. Никто не верил, что в школе можно подготовить режиссера и актера, и что без школы их не может быть.

Киниа на заграницу.

— Посмотрите! На Западе никаких киношкол, а кинематография лучше нашей. Школы — лишний расход!

Все, кому не лень, прилагали свои способности и усилия, чтобы закрыть техникум. Часто казалось, что конец. Напрасна вся работа, напрасны голодовки и борьба.

Необычайным напряжением удалось сохранить техникум.

ШКОЛА ТОЧНОЙ НАУКИ

Когда на квадрат полотна с фильмами на васглядят отчаянно тошкующее или заразительно хохочущее лицо актера, не думайте, что это он «от души». Вам может быть обидно это слышать. Обманутые сокровенное, человеческое — эмоции. Не стоит обижаться!

Кино-актер — мастерской. Такой же, как любой токарь или фрезеровщик. Больше. Четкость и точность его движений можно сравнивать с размеренным постуком манишины.

Нет души. Есть напряженная, вдумчивая работа под ритмическое отстукивание хромонитра.

— Петрова, — кричит ученице преподаватель-режиссер. — Петрова, ваше перенесение ни к чорту не годится... Надо: раз... два... три... четыре... а вы: раз, два, три, четыре...

Ученица напряженно следит за движением руки режиссера, трижды повторяет «страдания», пока правильным ритмом не достигает нужного эффекта. Она выглядит усталой, но доволна, что научилась по-настоящему «страдать».

Это называется этюдом.

Ученице дается задание выдумать и разработать этюд: усталость или радость, испуг или здор... И в мастерской, именем которой настуртным отделением, идет проверка способностей начинающей актрисы.

В натурном отделении вышибают из начинаяющих манерность и театральность, учат экономно, по-человечески мыслить, двигаться, расходовать жесты.

Кино важна прежде всего динамика, люди с «играющим телом».

Играющая напряженная спина Керенского картины «Октябрь» — лучший тому пример.

Спорт — решающий участок в учебе. Учатся пружинить все: спину, лицо, шею, руки, ноги. Без этого кино-актер — поэтическая кукла.

На первом курсе еще все актеры. На втором начинается дифференциация. Выделяется группа режиссеров и операторов. На режиссерском отделении идут лучшие выдумщики, люди, умеющие быстро выдумывать и композиционно строить в голове целые сцены.

Молодой режиссер ищет материал вокруг себя и в себе. Точно ребенок, складывающий из кубиков определенное имя, режиссер собирает в голове разрозненные куски выдуманного этюда.

Второй год учебы самый фундаментальный. Молодой режиссер приступает к работе с человеческим материалом — актером. Организовать человека труднее, чем машину.

Машинки все «способны», люди не совсем...

Нервная работа.

Делать «кизнь молча» — высокое и трудное искусство.

Передnimы аппаратом проходят сцены живых, но немых героев.

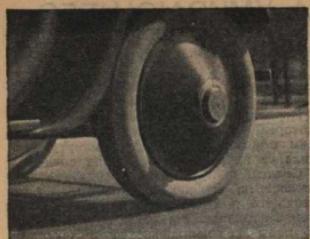
Обнимая стул, ученица восторженно спешит: «Мой милый, я тебя так долго ждала». И никому вокруг не смешно. Надо уметь и стул обнимать. В этом искусстве.

Режиссер следит, чтобы любовь к стулу не была особенно пылкой. Потом лихо ездят на табуретах. Это значит — играют ковбоев.

И все должно быть реальным и четким. Только здесь студент проверяет правильность построенных им сцен. Затем он переходит к обобщению работы над этюдами. Пишет сценарий, т.е. в голове имеет готовые сцены, уже отчасти сценариированные.

«Полиция» — кадр из фильма «Тяжелая должность».

Надпись на фильмы «Ровно в четыре» — дипломная работа выпускников Б. Кантара и Е. Потаева.

ЭКЗАМЕН НА САМОСТОЯТЕЛЬНОСТЬ

Голова ходит кругом. В водовороте учебы теряется обычное мышление, ему на смену приходит какое-то непоседливое, взволнованное мышление: образами, ассоциациями, этюдами, кадрами.

Это самый счастливый момент в жизни начинающего режиссера.

Ему дается 100—150 метров пленки, он может делать с ней что угодно.

Что может быть более великолепным и творчески безудержным для него, чем момент, когда рука киноаппарата начинает медленно, шаг за шагом, запечатлевать кадры его первого и самого волнующего сценария.

Потом приходит время диплома. Выпускнику-режиссеру дают ставить настоящую картину. Наступает время проверки кинематографических способностей, творческих сил выпускника.

Верные друзья режиссера, молодые с кепкой козырьком на затылок — операторы проявляют свои силы с режиссером одновременно.

Путь собрата режиссера — оператора к аппарату идет через лабораторию, Химию, физику, оптику, анатомию...

Не так уж просто крутив ручку киноаппарата. Узнают аппарат наизубок; начинают любить его, как неотъемлемую часть своего организма. И много пленки испорчено, пока создаются настоящие «очки зрения».

Выпускник-оператор также впервые научивается «настичь фильм». Объектив уверенно залевает «героя» на плёнку, оформляет действие героя художественно-красочным, и за первыми удачно снятными кусками приходит настоящее мастерство.

Тогда, вспоминая о голодных годах в ГТК, режиссер, оператор и актер радостно впадают: самое тяжелое — позади.

Впереди творческая работа. Самое интересное сейчас — лаборатория по изучению психологии зрителя, руководимая Эйзенштейном.

Подлинно-творческое будет достигнуто в ней.

ЧТО ОНИ?

Подвалы общежития уши в память. Нынешнее помешание в селе Всехсвятском однако не намного лучше.

Люди набиты в комнатах плотно и доверху, так, что кажется лопнет и расположится здание, не выдержав непомерной нагрузки.

В стенах этого здания студенты ГТК формируются, как советские люди.

До сих пор советского актера почти нет. Есть актеры. До советских им далеко.

Партийная и комсомольская ячейка ГТК делает все, чтобы к актеру-гетеконцу можно было привлечь: наш, советский.

Из 300 студентов 200 — комсомольцы.

Общественные характеристики интересны и неожиданны для ГТК.

Слесарь из Донбасса, Агитпроп укома комсомола. Ткачиха. Губокомовский работник Рабфаковец.

Все это теперь не исключение и не слишком редкость. Все же «барышни с чемоданчиками» — Мэри Пикфорд — изредка просачиваются. Просачиваясь, приносят гниль и разложение.

Ячейка пришлось столкнуться с робкими попытками возрождения несмелых африканских чечеров. Жестким ударом атака «барышни» была бита.

Ячейка занимается теперь другими делами.

На 20 руб. стипендии живут все-таки годно. Одна из компаний организовала коммуну. Затем еехватили все общежития.

Результаты: грехот ложек в общей столовой, обединенной коммуной общежития. В этом ГТК могут поучиться даже солидные, со стажем вузов.

Дисциплина ячейка добивается упорно и не бесцельно. «Богема и вдохновение» вытравливаются.

Но ячейке ГТК красивые девушки, те, кто будут смеяться и плакать с экрана, делают доклады о VIII съезде комсомола и выступают на вечере самокритики.

Кстати о самокритике. Ячейка и учебная часть техникума устраивают первенческие вечера самокритики. Там обнаруживаются языки и даются лекарства. Там выдается советский актер-гражданин. Прорывы фронта есть. Они неизбежны. Но система ГТК и нынешний ее работы дают право думать:

Вера Холодную и Руничика ГТК не готовят. Готовят нужных людей.

В октябре в залах 1-го Совкино на Арбате проходил торжественный выпуск ГТК.

Раздавали дипломы. Приветствовали. Хозяйственники жалили и обещали назначить заместителя мэра.

Выпускники краснели, волновались. Под гул авиации сходили с эстрады. Отлично жали руки.

Потом потух свет и по экрану задвигались темы.

«Тяжелая должностность», «Секрет», «Ошибка», «Небылкин», «История», «Что это?» — так назывались фильмы дипломной работы выпускников.

После каждой картины зал вставал и

«Происшествие» — дипломная работа режиссера Лидии Печориной.

устранял аварию, делавшему картину. Хозяйственники не отставали в этом.

Фильмы действительно были спортивны сверх ожидания. Одни из них показывали зорел и смел мастерство, другие определялись как грамотная и четкая работа. Вечер кончился поздно и шумно.

Назавтра актеры-выпускники оказались без работы. Хозяйственники, обещавшие места, за ночь передумали.

А в АРСе идет дискуссия о кризисе советской кинематографии. Выступают представители правления Совкино и Межрабпом-фильмов и жалуются на недостаток в новых подготовленных актерах.

В ГТК учится 360 человек. Будет учиться еще больше. Учатся для того, чтобы работать перед объективом, а не шифровать труттуары. ГТК должно поставлять актеров в кинопроизводство, а не на улицу.

Надо сделать броню. Твердую. Обязательную.

В студии ГТК — работа над этюдом.

НАСЛЕДНИКИ УМИРАЮЩЕГО ТОПЛИВА

Очерк П. ЛОПАТИНА

этот вопрос, надо отдать себе отчет. Да стоит ли стараться поймать луч? Силен ли он? Многое ли может от проработать в нашей промышленности?

Первый же подсчет, произведенный примерно сто лет тому назад французским ученым Пулье, дал нам прекрасные результаты. Он показал, что в среднем каждый квадратный сантиметр поверхности, на которую падают весенние солнечные лучи, получает каждую минуту около одной малой калории тепла, то есть лучи, падающие на квадратный сантиметр, могут нагреть один грамм воды на один градус.

Короче говоря, тем теплом, которое солнце посыпает на 2 страницы нашего журнала, мы в состоянии вскипятить стакан воды примерно в 10 минут.

Если бы всю эту теплоту мы могли превратить в механическую (двигательную) энергию, то, ловя солнечную энергию на каждом квадратном километре земной поверхности, мы получили бы по одному миллиону лошадиных сил. И даже если бы мы употребили для своих нужд десятую этой энергии, то и в этом случае с каждого квадратного километра мы получили бы 100.000 лошадиных сил, т. е. почти вдвое больше того, что даст нам Ходжевская электрическая станция.

Считая точно так же, мы брезгливы, что для замены работы всех московских электрических станций сидеть солнечной энергией нам придется обеты под Москвой небольшое поле, размером примерно с Октябрьское (бывш. Ходынское) и собирать посылаемую на нее энергию солнца.

И если ко всему этому мы вспомним про находящуюся под палящими лучами солнца пустыни Азии, Африки, Австралии и Америки, то для нас станет ясным, какие громадные запасы энергии посыпают на землю солнце в своих лучах.

После всех этих расчетов, сомнений нет — научиться ловить солнечные лучи

ловушки для солнца

Изобретение первой ловушки для солнечных лучей родилось, как это часто бывает, из детской шалости. Орудие этой шалости — осколок зеркала. Направив его на лучи солнца, мы сами сплошь и рядом пускали «солнечных зайчиков» в физиономии наших приятелей, не сознавая, что поймали нашим осколком солнечные лучи и заставили их выполнить наше задание: рассредить нашу «жертву». На практике первый солнечный двигатель является усовершенствованным осколком зеркала, с той разницей, что вместо осколка мы имеем громадную зеркальную воронку, поднятую над землей, а вместо физиономии приятеля — котел паровой машины.

Воронка снабжена особым прибором, который безостановочно двигается ее таким образом, что каждую минуту зеркала ее направляются прямо на солнце.

Солнечные лучи, отражаясь от зеркал, падают на черную поверхность котла, стоящего под этим опрокинутым зеркалом. Находящаяся в котле вода закипает и пары ее направляются в обычный паровой цилиндр. Тут они приводят в движение поршень, а он в свою очередь приводит в действие любую машину. Вот все нехитрое устройство солнечного двигателя.

Такие солнечные моторы установлены в настоящее время во многих местах Египта (Африка), Алжира (Африка) и Калифорнии (Америка). Примерно такой же двигатель был выставлен и на нашей Всесоюзной сельскохозяйственной выставке в 1923 году.

Над приспособлением этих солнечных моторов в наших советских условиях в настоящий момент работает проф. Вейсберг в нашем Туркестане.

Вот те практические успехи, которых добилась современная техника по завоеванию солнечной энергии. Правда эти моторы установлены пока только в жарких странах. Правда эти моторы еще недостаточно экономны, они дороги, и получаемая ими энергия пока что обходится нам очень не дешево. Но «лиха беда — начало». Мы решили уже первую задачу, мы уже знаем, как надо ловить солнечные лучи, и теперь уже остается второе и более легкое дело: усовершенствовать эти моторы, сделать их простыми иющими работать в любой обстановке и в любом климате.

ВНУТРЕННЯЯ ПЕЧЬ ЗЕМЛИ

Если техника сумела поймать солнечные лучи, то почему бы не подумать над задачей покорения внутреннего тепла земли — той страшной силы, с которой мы знакомы по ужасам землетрясений и вулканических извержений. Но как добраться до этого внутреннего тепла земли? Как поймать его и заставить работать на нашу пользу?

Этот вопрос родился во время войны, когда из-за грота орудий труда было разглядеть вихрьком появившееся интересное достижение. Но когда смугл грудь войны, мировая техника совершенно неожиданно очутилась лицом к лицу уже не с робким первым опытом, а с центральной электрической станцией, мощностью свыше 10.000 лошадиных сил, питавшей своей энергией не только местные заводы, но и передающей по воздушным проводам электрический ток по Флоренции, Ливорно, Сиенне и другие города Италии, отстоящие от нее на десятки километров. Эта солидная станция не требовала для своей работы ни одного килограмма топлива и работала исключительно на энергии, породившего вулканического тепла.

Странный вид имеет местность вокруг этого знаменитого местища Ларделло, в котором стоит эта удивительная станция. Маленькие домики этого крохотного городка кажутся карликами на пустынном склоне долины со множеством громадных столбов пара, покрывающих всю местность густыми белыми

«Отдушина внутренней печи земли» — гейзер. Его теплом техника пользуется уже для получения электрической энергии.

СОВЕРШЕННО ясно: каменный уголь только одну из основных пищ мира промышленности — умирает. По расчетам ученых, каменного угля нам хватит еще быть может на 2—3 столетия, зато нефть иссякнет через 2—3 десятка лет. Наступающая смерть угля и нефти ясна даже и без разъяснений ученых. Загляните в любую газету, и вы найдете там слова: Муссек, Рур, Баку, Донбасс, Оклагома, Мексика. И рядом с этими словами — козни, интриги, дипломатические потряски, налеты и войны. Это капиталистические государства вырывают друг у друга последние источники умирающего топлива.

Но, если умирает уголь и нефть, то кто же будет их наследником? Кто заменит их место в мировой промышленности? Что станет пищей с каждым годом растущей армии машин и двигателей?

О некоторых из будущих «наследников» топлива и пойдет речь в этом очерке.

ЕСТЬ ЛИ СИЛА В СОЛНЕЧНОМ ЛУЧЕ?

Можно ли поймать солнце? Можно ли камком-нибудь образом захватить солнечный луч и, захватив, приручить его и заставить работать так, как, скажем, мы заставляем работать электричество в моторах фабрик, в двигателе трамвая, в лампочке нашей комнаты?

Этот вопрос прежде всего приходит нам на ум, когда задумываемся над вопросом, где бы отыскать новые источники энергии на земном шаре, которые могли бы заменить нам иссякающее топливо. Но прежде, чем решать

облаками. Этот пар вырывается с шумом и грохотом или из трещин почвы или из многочисленных горячих источников с небольшими воронками, наполненными грязной кипящей водой. Кажется будто находишься на поверхности громадного парового котла, вся крыша которого истекана множеством мелких отверстий, с вырывавшимися из них спящим белым паром.

Поэтому неудивительно, что у всех знакомых с этими источниками возник вопрос: почему не использовать этот пар в паровых двигателях?

Был произведен первый опыт и, к удивлению всех, да и очень неудовлетворительный результат: в паровых источниках оказалась сернистая газ, который быстро разделял и портил механизмы.

Но эта неудача не обескуражила строителей станции, и им скоро удалось устроить это времдное обстоятельство очень просто и дешевым способом: они решили не пускать в дело пар, непосредственно выходящий из трещин, а пользоваться только его теплотой для нагревания паровых котлов, наполненных чистой водой.

Так остроумно современная техника добилась того, что вулканическое тепло земли, пойманное ею, превратилось в послужное электричество.

Конечно это дело не кончилось. Инженерная техника ухватилась за эту идею, и в настоящие времена не только расширяется станция в Лардерело, но уже есть сведения об установке таких же стаций в Алжире (Африке), на юге Франции и в центральной Америке.

Но надо думать, что использовать внутреннее тепло земли можно исключительно только в перечисленных нами местах. Горячих источников множество, их можно десятками насчитывать и в Германии, и в Испании, и в Мексике, и в Исландии, и в Соединенных штатах.

Что же касается СССР, то из наиболее удобных для использования горячих источников можно указать на Михайловские ключи на Кавказе, температура которых доходит до 80 градусов, и в Горячеполске с температурой, доходящей до 89 градусов.

ЭЛЕКТРИЧЕСТВО ИЗ ВОЗДУХА

Заманчивая мечта получить электричество из воздуха, т.е. из того, что ничего не стоит, чего на земле почти безгранично много, эта мечта громадному большинству из нас кажется пустой фантазией, которая во всяком случае в ближайшее время не может осуществиться.

А между тем это не совсем так. Современная наука настолько глубоко заглянула в тайны природы, узнала там много скретов ее и тайи, что даже эта дерзкая мечта близка к осуществлению.

Но все-таки — откуда в воздухе электричество, которое мы решим так смело заполучить из него?

Ученые нашли, что в воздухе всегда идет электрический ток сверху вниз. Мы не замечаем этого тока только потому, что он чрезвычайно слаб. На квадратный километр земной поверхности этот ток приносит в течение секунды в 10 раз меньше электричества, что протекает за то же время через обыкновенную электрическую лампочку во время ее горения.

Так обстоит дело при обычновенных условиях. Но если мы поможем электрическому току в его путешествии из воздуха на землю, то оно конечно ускорится, и ток несомненно будет гораздо сильнее. Но как же это сделать?

Собственно говоря, в этом нет ничего трудного. Оказалось, что стоит, только поднять высоко в воздух какой-нибудь предмет, снаженный острыми, как электрический ток быстро начнет как бы стекать сверху вниз.

Надо отдать справедливость современной технике: ей уже кое-что удалось сделать в этом отношении.

Один предпринимчивый немец Плауссон ухитился соорудить даже небольшой заводик, для работы которого энергию в 30 лошадиных сил он получает из воздуха.

Устройство его воздушной электростанции очень просто. Он поднял на высоту 500 метров воздушные шары, сделанные из легких металлов и наполненные водородом. Поверхность этих шаров была покрыта острыми шипами. И оказалось, что его расчет был правильен: электрический ток быстро побежал сверху вниз, Плауссон поймал его в особые моторы и заставил давать своей фабрике энергию в 30 лошадиных сил.

Этот первый удивляющийся опыт дал основание Плауссону предложить предложение мирового размера.

Над всеми местами, где почва не может быть разумно использована — стало быть, над болотами, городами, степями, пустынями, озерами и морями — по проекту Плауссона устанавливаются ряда особых собирателей, при помощи которых можно будет каждый час получать из каждого квадратного километра, по крайней мере 200 лошадиных сил, а при некоторых улучшениях этого способа — даже до 500.

В Германии, как он вычислил, можно будет без всякого вреда для сельского хозяйства использовать для этой цели почти одну треть ее по-

Будущая электрическая станция, питавшаяся солнечными лучами.

Работы по «поймке» внутреннего тепла земли. Пропадают трубы, которые «поймают» горячие газы и заставят их работать на электрической станции.

СТОИТ ЛИ ЛОВИТЬ МОЛНИЮ?

Если современная наука ухитилась разрешить вопрос о получении электричества из воздуха, то спрашивается: нельзя ли поймать молнию и заставить ее работать?

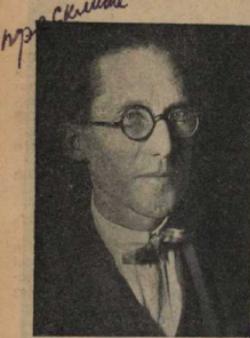
Подсчеты показали, что это дело не стоит тех трудов и затрат, которые придется употребить на него.

Действительно, если предположить, что у нас в год будет 30 грозовых дней и во время каждой грозы произойдет 100 ударов молнии, и то в лучшем случае это дало бы около 2 миллионов лошадиных сил в год — очень незначительная цифра, потому что она распределась бы через громадные промежутки времени на чрезвычайно малые сроки.

Ясно, что при современном состоянии наших знаний нечего пока и думать о том, что использовать как-нибудь энергию гроз.

Вот то немногое, что удалось поместить в нашей статье из многочисленных и самых разнообразнейших изысканий в области новых источников энергии. Здесь нет ни слова об энергии морских приливов и отливов, об энергии тропических морей, пойманный французскими учеными Клодом и Бушером, об энергии ветра и о могущественной, внутритматической энергии, раскрывающейся нам при наблюдении за поведением радиа. Но даже то немногое, о чем нам вкратце удалось сказать, дает нам полную уверенность, что даже полное уничтожение топлива не заставит врасплох нашу промышленность: умрающим углю и нефти техника уже настелила достойных наследников.

В МИРЕ НАУКИ И ТЕХНИКИ

поколение от предыдущего и противопоставляет науку эпохи всем предыдущим стилям. Мы должны повернуть спиной к прошлому, которое оторвано от будущего. Мы должны отдать то, что революционизирует всю нашу жизнь и самоиздание созданию, приучая его к порядку, к расчету, к закону науки. Быть может, впереди. А также машинами, основанными на физических законах, на геометрии, то есть современным человеком должна доказать жить «геометрическим». Современные технологии, в частности, архитектурные, позволяют нам приступить к новому строительству, основанному на таких геометрических и логических основах, как и основанным на формах и именных принципах.

Желобоков делает возможным строительство новых типов домов с перегородками между различными комнатами, а также расширять тем их внутреннее воздушное пространство; железнодорожному ветровым и именным принципам позволяет делать плоские макеты-террасы, устраивая на

Norbuzov.

АРХИТЕКТУРА БУДУЩЕГО

В Москве недавно открылся французский архитектор Корбюзье. Имя Корбюзье связано с созданием нового стиля в строительном искусстве.

Корбюзье — министерственный строительный инспектором в СССР и представил свое участие в нашей стране. По его проекту, между прочим, будет строиться новое здание Центрофаза в Москве.

Излагаем основные теоретические положения, на которых основано учение Корбюзье в своих проектах.

Сейчас архитектура, говорят Корбюзье, целиком находится в пленах декоративного искусства.

Типичный дом конструкции Корбюзье, построенный на выставке в Штутгарте.

них сады и колоннады. Проект Корбюзье новой, чеканкой-образной системы жилого дома из 60 квартир представляет собой симметричную палладию, состоящую из ряда отделенных ярусов, расположенных на пяти эталях, но каждая со своим крытым садом-плотцадой.

Прежде всего, крыша каждого дома имеет отдельный сад. Общая кухня помещается в нижнем этаже. Современный индустриализм позволяет строить подобные дома, отдельные части — стандартными типовыми элементами.

«Мы имеем к новому искусству, где будут сочетаться простота и величие, и новейшая обработка.

В городах вместо деревенской должен вспыхнуть портик, Владимирские, благодаря стандартам, утверждены новый стиль — стиль урбанизма», — и Корбюзье делает проект.

600 ПАР ОБУВИ НА КОЛЕСЕ

На некоторых обувных фабриках во Франции стали применять сборку обуви на огромном колесе по способу, которого устроено несколько деревень в Альпах. Отдельные части ботинка или сапога закрепляются на деревянных и, вращаясь на колесе, обрабатываются, то есть обувь выpusкается в течение рабочего дня без пар обувки.

РАДИО ПРЕДОРХАНЯЕТ МОЛОКО ОТ ПОРЧИ

Один английский учений построил аппаратуру, помощью которой молоко предохраняется

от засыхания в течение 4—29 дней, в зависимости от способа его обработки. Для этой цели во время кипячения молока применяется специальный радиодатчик или же постулат, таким образом: в одном сосуде молоко подвергается медленному нагреванию, а в другом на него действует радиоволнами. Охлажденное молоко сохраняется в течение 2—3 недель.

ХРУСТАЛЬНЫЙ ШАР ПОМОГАЕТ ИЗУЧЕНИЮ ПОГОДЫ

Чтобы предсклонять погоду, надо изучать атмосферные условия, днем и год за годом. В частности для этого нужно непрерывно измерять количество солнечного тепла, получаемого земной поверхностью. Остроумным изобретением является измерение температуры кристаллического шара, покрытого полоской картона. Высокая поверхность шара собирает солнечные лучи и действует так, что он нагревается на солнце и остывает в тени, то есть зажигательном стекле. На картон налесены деления, соответствующие часам, и измеряяомером измеряется температура на волосок. Изобретение показывает, насколько изменилось нагревание в различные моменты дня.

ПРАКТИЧЕСКОЕ ОБУЧЕНИЕ НА ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНЫХ КУРСАХ

В Америке ведется практиче ское обучение на железных курсах. Там, правила технической эксплуатации преподаются будущим машинистам с помощью чрезвычайно искусно выполненной молекулой железнодорожной станции, которая в точности воспроизводит различные железнодорожные станции, станицы и сигнализационные устройства и пр.

Во время урока эта модель приподнимается в действие обычными механизмами, которые автоматически передвигаются стрелки, подаются сигналы и т. п., и курсантам предлагается разрешение задачи по управлению движением.

Этот метод, напоминающий «попочные игры», применяемые в военных академиях, дает очевидные результаты, способствуя приобретению профессиональных навыков.

С той же целью практического обучения агентов для службы на железных дорогах в Америке организована подземная «практико-исследовательская» станция с полным оборудованием, где демонстрируются все сигнализационные устройства, имеющие особую важность в условиях работы подземной дороги.

Эта опытная станция и является самой первой практической школой отпускающей на землю квалифицированные агенты.

НАДЛЮСИ НА ЗЕМЛЕ ПОМОГАЮТ ЛЕТЧИКАМ В ВОЗДУХЕ

Недавно в Германии состоялись соревнования на титул чемпиона по пребыванию в воздухе без посадки. При этом один из летчиков показал рекордное время — 52 часов с лишним. Одним из интереснейших соревнований, проходивших успешном ходе соревнований, были огромные над篇章 на крыльях лежащими на земле. Нижние над篇章 были сделаны из прозрачного пластика, подвешенного к ободам летчиков; верхние две показывали каждому из них, сколько времени он уже прореджал в воздухе.

РАДИО-ШЛЕНДЛЯ ЛЕТЧИКОВ

Прилагаемое фото изображает собой тип радио-шлема для летчиков, который изобретен радиолюбителем из Франции. Радиолюбитель при первоначальном решении, чтобы использовать радио в самолете, Наушники пригнаны таким образом, чтобы исключить возможность возникновения шума, расположенного микрофона удобно для разговора.

ПОД ОБСТРЕЛ!

ЗАГАДОЧНАЯ КАРТИНКА

НЕТ! Это не филонство¹.

Филонство все-таки много проще, навиц и поверхности. Филоны боятся порицания. Те, о ком сейчас будет рассказано, не боятся; они считают себя «ненамеренно выше».

Филоны стоят у станка, а после работы мучаются в безобразнейших модных болотниках, которые всего на пять рублей дороже человеческих; филоны выбирают свои пестрые, мещанская галстушки из одной коробки с обыкновенными «пролетарскими». Филоны пурпурятся дешевыми куршами и делают маникюр в заходах парикмахерской на окраине. Филоны знают пить, десать, но двадцать глупых, надеющихся анекдотов.

Те «комсомольцы» — не удовлетворяются маникюром в парикмахерской «Художники» на Петровке: они делают педикюр и скендерский массаж лица в Институте Красоты; пару запасных башмачков, мягких, как перчатки, они покупают у самого дорогого частника — обязательство, чтобы был частник! Галстух выбирают часами при участии опытного нэйманско-го сыни; коверкотый kostюмчик странного дамского фасона из «неожиданно прислали из-за границы ответственный приятель»; пурпур потребляют только «Коты». Они знают сотни потрясающих своей глуботью и глупостью анекдотов; и анекдот это особенный — «про во-ждей». Служат эти молодчики главным образом в блестящих и крупных учреждениях, но жалованья им нехватает. Они не бросают подараками от богатых родственников и займами без отдачи у служивцев.

Самое худшее то, что такое филонство сидит не в костюмчике, не в маникюре, не в пурпуре! Оно гораздо глубже и гораздо опаснее. Но рассказать об этом трудно, — лучше показать на живом примере двух моих визитов к Маруське.

Маруська не девушка Маруська парень. Не комсомолец, — комсомолец. А имя у него такое потому, что в его среде все дают друг другу «для фасона» унизительно-ласкальные прозвища. Маруська служит в почетном культурно-научном учреждении. Маруська называет себя «комсомольцем с голубой кровью». Маруська разговаривает, беспрерывно кривляясь, приплюсывая и подражая, шутки ради, еврейскому акценту. Маруська хвастается, что проживает двести двадцать пять в месяц. С трудом дозванившись, я прохожу через три темных коридора в его чуланчик за кухней — два шага на один. Комната — сырья, отнюдь не располагающая к «разложению» и даже достойная, по обстановке, камеры рабфаковца!

— А ты ничего живешь! — говорю я с одобрительным удивлением! — как человек! Вот уж не думал! Похоже, что учишься даже.

Но Маруська восторженно воскликнет:

— Василь! Ты дурак. Это знаменитая комната! Не уеду из нее ни за какие деньги! Знаешь, кто живет в соседнем парадном?

Он шепотом называет имена двух отвественнейших и продолжает, не обращая внимания на мое изумленное лицо:

— Главное, брат, почта попадаться на глаза! Карьера обеспечена.

И моя симпатия к его берлоге сразу превращается в жгучее отвращение.

— Ну, говорит хозяин, — я поклонялся тебе, скажи, надо ли любовничить или Шикарная бабенка. А ты посмотря книгу, мишигирин коп!

Две стены Маруськиной комнаты до-верху заставлены книгами; это тоже, по-видимому, достойный уважения. Но что за странные книги! Одна полка — вся сплошь — старинные французские издания с порнографическими картинками, другая — девореволюционные журналы и альманахи: «Шиповник», «Эмзия», «Аполлон», «Весы»; все это изредка перемежается «Под знаком марксизма» и «Вестником Команди-мии»; а с краюшки, рядом с отвратительнейшими рукописным сборником по-хабых стихов, жмется ленинский «Эми-пириокритицизм».

Маруська победоносно смотрит на меня:

— Недурна библиотечка?
— Где ты работает сейчас, Маруська? — подавленно спрашиваю я.

Он лениво потягивается.
— По культурной связи с заграницей. Это мой стиль.

Мне хочется сказать, ему, — ты гиб-нейши, Маруська, — но вдруг я начинаю понимать, что это ни к чему, бесполезно, все равно не поймет, и только гляжу

на его расплетистую на кровати фигуру. Это чужой, совсем чужой человек! Он лежит, как говорится в буржуазных романчиках, «с непринужденным изяществом»; одна рука его, с зажатой между выхоленными пальцами папиросой, свесилась до пояса, щеки напудрены; на нем пижама из очень дорогой фланелики — шоколадная с голубым, восточными туфли и полосатые шелковые носки.

— Прощай, Маруська! — говорю я, — будь здоров! А я должен пойти и сказать про тебя в ячейку.

— Прощай, — говорит Маруська, и смеется вслед, — броши дурака в ячейку! Для тебя онтой? Партии нужны истинно-культурные люди; тебя скрой выставят как интеллигента, а меня нет!..

**

Спрашивал я о Маруське некоторых ребят. Гороворят — чудный парень. Почему чудный? — Любят книгу, умеют поговорить обо всем, хороший товарищ. Почему хороший товарищ? — Да пойди к нему сам, посмотри! От народу не повернешься; подбирает от откуда-то самых забытых, самых одиночных парней всем помогает, всех учит!

Пошел я к Маруське еще раз. Он сидел за столом и писал.

— Пришел мириться, товарищ Василь?
— Не знаю еще, может быть.
— А я, видишь, занят. Пишу еврейские фамилии.

— Зачем?
— Остристи собираюсь в обществе.
На листке бумаги было написано: Пар-шикэр, Хлебозаготовка, Вицка Абра-мовича Прыщик.

В это время раздалось четыре дребезжащих звонка. Маруська вышел из комнаты и вернулся с целой оравой ребят. Шесть штук. Пятеро — сразу видать рабочие; шестой в отрелье, патлатый, вроде начидающего поэта. Трое еще не успели даже переодеться и умыться. А вдруг в ярких гаврилках и коротких брючках.

— Вот моя общественная нагрузка! — Небрежно кинув на мне на гостях, — видишь Василь? Самые низы! Все как на подбор, из гашиши приехали. Преподюло политграммоту, хороший тон, русский мат и искусство одеваться.

Патлатый поэт взглянуло и подобострастно расхохотался.

— Ай да Маруська, ай да молодец! Как рассказал ты мне, что бабам надо в уху стихи читать, так сразу на меня шмаря упал!
А ранние ведь кочевриклись!

— А кто хмаря? — мрачно осведомился парень в гаврилке. — Еленка большиши?

— Само собой, Еленка.
— Ничего, пользуйся. Я свое взял.
Маруська с притворной строгостью погрозил им пальцем:

— А очередь, евреи? Главное, — с любопытством спросил он.

— Соблюдаем, — нехорошо засмеялся второй парень в гаврилке, обнажая гнилые зубы, — следующий я.

¹ Филонство — местное название пикников.

Он ленив, как говорят в буржуазных романчиках, «с непринужденным изяществом».

Колька окинул взглядом стой, на котором красовались бутылки и неразлучная «продетарская».

— Катюша! По какому случаю вечерка? — спросил он, важно развалившись на треногой кушетке.

— Как по какому? Скушно! Хочется танцевать! — ответила Мотя, пожмав плечами.

— Но я полагаю, может быть имениница кто или что-нибудь в этом роде! — рассуждал Колька, подражая чехословакскому офицеру.

Шумно ввалилась компания с Манькой Коломенской.

— Мурка!

— Колька! — встретились «обже».

Колька стаскивал с нее пальто и замер с ним в руках: на Маньке было платье, какого он еще не видел, — собственно, платья то не было, а что-то короткое до «щерпиков», шурша, держалось на тояньких линках на голых плечах его «обже».

Кольке хотелось заахотеть, но тон не позволял ему.

Прически пришедших «дам» разделялись на две категории: «под фокстрот» и «под чарапстон».

«Пижонов» набралось по количеству «дам», как они называли их. Восемь. Девятый, вине пары, был гармонист — мальчик лет 12—13.

Зад столом особых тостов не было, каждый хотел поскорее заложить, а не разговорами заниматься.

В углу занягала гармоника вальс «Погибшие мечты», именно играла гармоника, так как гармонистка за ней не было видно. Пары поплыли по четырехсаженной комнатушке и плывали на одном месте.

Колька с Муркой занимали центр.

Вальс сменился «фокстротом», а за ним «чарапстон» и «танго», конечно это все пародии. Запах «ланышей» и «фиалок» смешался с запахом пота, водки и табака.

При «интересных» фигурах «чарапстона» было заметно грязное белье у раздетых дам.

Освежились пивом.

Преславная «цыганка» погнала «фокстрот», и Манька, отравив набойки, все еще дробила и трясась.

Между танцев Колька читал Есенина: «Ты меня не любишь, не жалеешь...» И еще: «Дай, Джимми, на счастье лапуним»...

Дамы восхищались и хлопали в ладоши. Затем играли в «телефоны», «мигалки» с поцелуями.

Когда «чарапстон» были стационированы, стихи прочитаны, освежаться было некем, и когда Мурка последний раз мигнула Кольке — мигнуло электричество и погасло.

— Ну, ребята! Не на-до! — жалобно пела Мотя.

Это везде погасло! — отвертила Катя, крутя выключатель. — Что-нибудь на станции. А почему напротив горит?

— Там наверное станция другая! — не растерялся Колька.

Лишь когда прогремел первый трамвай у заставы — из

домика вышел Колька с Манькой.

И другие пары одни за

другой ушли с этой улицы.

«Обже» соединяется, на вечорку — долго просиживает перед зеркалом, прихорашиваясь на все лады.

На завод, на комсомольские вечера у нее есть тоже «комсомольский костюм» — черная юбка, белая блузка, красная кофточка, чулки телесного цвета, которые она штопает на ножках, когда оденет, и стоятные туфли. Под этим костюмом не видно той «дамы» с вечорухи, — перед вами подлинная комсомолка снаружи, а внутри? Пустота. Как комсомолку вы ее знаете очень хорошо.

Это она на собрании читает «Без черемух», уткнувшись где-нибудь в уголок, — это она тихо зевает в кулак на политеатрскую. Это она аккуратно выполняет мелкие нагрузочки. А потом?

* * *

С наступлением осени «лыжники» оживли. Из Царицына, Салтыковки, Клязьмы они перебирались к заставам и живут в волнах «американских танцев» и «вечерух».

Это — наша язва, язва в желудке комсомола.

Скорее за лечение, за интересную работу в клубе.

Андрей Вольский

С следующего новогоднего номера

в «Смене»

начнет печататься новая повесть

В. Дмитриева и Н. Бодданова

из жизни фабричной молодежи:

«Александр и Александра».

Только в четвертом часу Колька вернулся с вечерики. А к семи надо на завод.

Время «сборов» на вечорку — самое горячее для Маруськи время. Долго она просиживает перед зеркалом, прихорашиваясь на все лады.

Все чуждое рабочему классу легко переименывается в «лыжники».

Если Манька видела в кино у какой-нибудь Поля Негри или Аны Нельсон платье с совершенно голой спиной до известного места, то, будьте уверены, оно будет и у Маньки.

"СМЕНА" ЗА 1928 ГОД

РАСКАЗЫ, ПОВЕСТИ, РОМАНЫ

АПЕЛЬ, И.—Записки Иванника (№ 21). БОГДАННОВ, Н.—Когда заневается песья (№ 14). ЕГО ЖЕ—Дикан голос (№ 20). ЕГО ЖЕ—Конек делогуя (№ 22). ЕГО ЖЕ—Форма (№ 16). ГРИГОРЬЕВ, С.—Бочка (№ 6). ГРИН, А.—Легенда о Фергюссоне (№ 7). ГУМИЛЕВСКИЙ, Л.—Игра в любовь. Роман (№ 13—21). ДОРОГОЧИРНОВ—Музыка (№ 18). ЗДЗЯРСКИЙ, М.—Та первая (№ 21). ЕВДОКИМОВ, И.—Ход в деревне Еришоне (№ 19). КРУТИКОВ, Д.—Дудак — полтора. Захара (№ 3). ЛЕПОВ, Антон—Отец (№ 4). МАГЕР, П.—Скрипач Андрея (№ 18). МАЛОВ, Ф.—Узел (№ 22). МАРШАЛЛ-Эдиссон.—Слом помнит. Повесть (№ 2 № 2 и 4). НАЗАРОВ, А.—Старичок (№ 23). ПЕТРОВСКИЙ, Л.—На Денизу (№ 24). ПЛАТОЩИН, М.—Испытание (№ 10). ЕГО ЖЕ—У примуса (№ 9). РИД, Джон—История многих (№ 1). ЕГО ЖЕ—Мак «Американец» (№ 5). ПРАГЕР, Р.—Ожог (№ 8). РОВИНСКИЙ, О.—Записки Гави Эграния (№ 14). ЕГО ЖЕ—Одна ночь (№ 7). САРАЕВ, Вл.—Партизан Андреяшикни (№ 12). САРКИЗОВ-СЕРАЗИНИ, И.—Потомок Венецианского дожа. Роман (№№ 1—7). СКВОРЦОВ, А.—Право на сентиментальность (№ 9). ЮРИН, В.—Один мир (№ 17). ЧЕРНЯКОВ, С.—Начало карьеры (№ 19). ЧЕТВЕРИКОВ, П.—Роман. Июнки Протасова (№№ 11—12). ШИК, Абдула.—История крови. Азербайджанская легенда (№es). ЭДЛИС, Сергей—Драма во льдах (№№ 23, 24).

СТИХИ

АЛЕКСЕЕВ, В. (№ 15). АРХАНГЕЛЬСКИЙ-БРЯНСКИЙ (№№ 1, 11). БЕНДИК, Б. (№ 23). ВАГИНА, В. (№ 23). ГОЛОДНЫЙ, М. (№ 8). ГУСЕВ, В. (№ 10). ДОРОНИН, Ив. (№ 8). ЕФИМЕНКО, А. (№№ 10, 15, 23). КИЧИНИЦЕР, П. (№ 10). МАРИСКИЙ, П. (№ 16). МЕЕРОВИЧ, И. (№ 22). МОЛЧАНОВ, Ил. (№ 17). ПАНЧЕНКО, П. (№№ 15, 21). ПЕСТОХИН, А. (№ 10). РОЖДЕСТВЕНСКИЙ, В. (№ 10). РУДЕРМАН, М. (№ 19). СКУРАТОВ, М. (№ 23). ФИШ, Г. (№№ 13, 23). ХРОБЕС—Будущая война в частушках молодежи (№ 3). ЕГО ЖЕ—Флотские песни и частушки (№ 20). ШИРТИ, А. (№ 15, 20). ЯСИН, Г. (№ 14). ЯСНЫЙ, А. (№ 14).

НАШ БЫТ—ОЧЕРКИ, СТАТЬИ

БОНЧ-БРУЕВИЧ, В. Д.—Ильин и борьба с дурманами (№ 21). ВОЛЬСКИЙ, А.—«Пыхны» (№ 23). ГОРСТА.—Загадочная картишка (№ 24). ГРАММ, М.—Чужаки среди нас (№ 19). ГРЕН, М.—Пильные корни (№ 6). ДАНИЛОВ, Г.—На двух берегах (молодежь Донбасса в быту и на производстве) (№ 20). ИППОЛИТ, И.—Письма самобиц (№ 8). ЕГО ЖЕ—Слова и дела (№ 10). ЕГО ЖЕ—Человек и собака (№ 13). ИСАХОВ, А.—Вооруженная жизнь (№ 3). ЖУЖИКОВ, В.—Замоскворечье были (№ 23). ЛИКИВ, Б.—О «закиркованных комсомоликах» (№ 23). ЛИН, Илья—Войны язвам быта (№ 8). ЕГО ЖЕ—Без ботинка в тарелке (№ 15). МАЛОВ, Ф.—«Хорошая киношку» (№ 8). ЕГО ЖЕ—Горькая чаша (№ 19). ЕГО ЖЕ—Комсомол в семье. ЕГО ЖЕ—Настя Бодрова (№ 9)—ЕГО ЖЕ—Наш бюджет (№ 14). ЕГО ЖЕ—Хуке пивной (№ 23). МИРОНОВ, В.—Вечный проклятый вопрос (письмо студента) (№ 9). МЛЕЧИН, В.—Проклятый, но не вечный (№ 17). НОК-АУТ—Винникование (№ 22). ОЗАРОВСКИЙ, Н.—Корабельные будни (№ 15). ОРУЖЕЙНИКОВ, Н.—Ледоход (№ 12). ЕГО ЖЕ—Товарищество и чуткость (№ 9). П.—Парень на все руки

(№ 22). ПРАГЕР, Р.—Коммуна десант (№ 11). РОЗЕНФЕЛЬД, М.—Счет обиженной. Тамара (№ 1). СИНИЦАРИ, А.—О «филоните» и «филонах» (№ 21). В. ЖУЖИКОВ.—Его профиль (№ 22). Г. Л.—В последней инстанции (№ 5). ТРАВИН, Е.—Неподкрадшее старца (№ 23).

ДИСКУССИИ

Вечный проклятый вопрос (№№ 9, 12, 13, 15, 17). «Виноват ли Сухов» (№№ 13, 14). «Нужно ли так поступать?» (№№ 12, 16—19). Пионеротряд или скрипка? (№№ 21, 23).

МОЛОДЕЖЬ И НАШЕ СТРОИТЕЛЬСТВО

АПЕЛЬ, И.—Безладовая кавалерия (№ 18). ГАЙДОВСКИЙ, Г.—Дашев-конвойер (№ 17). ЕГО ЖЕ—Школа всеобщего масштаба. ЗЫБИН, В.—на «Красном Профинтерне» (№ 7). ЕГО ЖЕ—Интернациональная перекличка (№ 8). КИМСКИЙ, Н.—Там, где шлют башмаки (№ 9). КОЛЕСНИКОВ, Л.—Пара голубей (№ 14). ЛИН, Илья—Беспокойные хозяева (№ 11). ЕГО ЖЕ—Сказка о девяти курицах (№ 12). ЕГО ЖЕ—Хлеб, ситец, работа (№ 5). МАЛОВ, Ф.—Комсомольская пустыня (№ 18). ЕГО ЖЕ—Молодая фабрика (№ 11). МИЛЬЧАКОВ, А.—Вперед к еще большему достижению! (№ 11). МИХАЙЛОВСКИЙ, Н.—Без принуждения (Колония для беспризорных, имени ОГПУ) (№ 15). РОВИНСКИЙ, О.—На новом пути (№ 22). СЕВЕРЯК, Н.—Вуз инженеров здоровья (№ 10). ТИМОФЕЕВ, Г.—Молодой Азербайджан (№ 20). ТИФЛИССКИЙ, П.—В городах Юго-Осетии (№№ 19, 21).

РЕВОЛЮЦИОННОЕ ПРОШЛОЕ, КОМСОМОЛ И ЕГО ИСТОРИЯ

АХМАНОВ, А.—Комсомол создан (№ 20). ЕОНЧ-БРУЕВИЧ—Комсомольцы у Ильина в 1920 г. (№ 9). ЕГО ЖЕ—Третья апелляция рэг'ет (№ 6). ГЕРР, Евг.—К единой организации (№ 20). ИППОЛИТ, И.—Из комсомольского блокнота. ПЕТРОВСКИЙ, Д.—Нежинское восстание (№ 3). ПОДВОЙСКИЙ, Н.—Молодежь в гражданской войне (№ 20). ПОЛТИЛУХИНА (К десятилетию комсомола) (№ 20). РЫБКИН, Оскар.—Перед первым съездом (№ 20). ФЕРГИН, Вл.—Меньшевистские недоросли (№ 20). ЦИЛЛЕР, Б. (А. Курелла)—С полотняным мандатом (№ 20).

ЗА РУБЕЖОМ

Международное юношеское движение ГРЭН, М.—Капиталисты готовятся к войнам (№ 3). ИППОЛИТ, И.—Железный Карл (№ 1). ЕГО ЖЕ—Пульс борьбы (По страницам зарубежной комсомольской печати) (№ 21). ЕГО ЖЕ—Рупоры КИМа (№ 16). КАРПЕЦ, А.—Человек со знаменем (№ 1). КИМ в борьбе с фашизмом (№ 16). Молодые предатели (№ 16). ЕГО ЖЕ—Под гнетом фашизма (№ 8). ЕГО ЖЕ—Юнгштурм (№ 16). ТАПСЕЛЬ, В.—Комсомол Англии (№ 18). ЧЕРНЯ, В.—Под знаменем комсомола (№ 10).

ТЕХНИКА И НАУКА

БРЕСТСКИЙ, П.—Невидимые богатства (№ 22). ГРЭН, М.—Молодая смекалка (Комсомольцы-изобретатели) (№ 9). ЛОЛАТИН, П.—Борьба за каучук (№ 7). ЕГО ЖЕ—Великая неволничи-брюхы (№ 5). ЕГО ЖЕ—Великий обманщик (№ 12). ЕГО ЖЕ—Дита солница (№ 10). ЕГО ЖЕ—Наследники умраченного топлива (№ 23). ЕГО ЖЕ—Путя будущего (№ 13). ЕГО ЖЕ—Форя и отбросы (№ 17). ЕГО ЖЕ—Черная кровь (№ 6). ЕГО ЖЕ—Шутки жидкого воз-

духа (№ 21). СЕВЕРЯК, Н.—Лесной щелк (№ 4). ЕГО ЖЕ—Первая тысяча (№ 8). В мире науки и техники (№№ 2, 6, 7, 10, 11, 13, 15, 18, 22, 24).

ПО СССР. СТРАНЫ СВЕТА. ТУРИЗМ

АРСЕНЬЕВ, В. К.—В добрых приморьях (№№ 15—20). БЕРГМАН, Г.—Лето и вода (когда отдыкают и путешествуют) (№ 7). ЕГО ЖЕ—Люди в горах (пешком по Кавказу) (№№ 8, 9, 10). ЕРОФЕЕВ, В.—У подножья Памира (№ 6). Мы путешествуем (Шесть туристских маршрутов) (№ 11). Н. М.—Последние из могикан. Как живут индейцы Канады (№ 4). ОШАНИН, Вл.—Люди Приамурия (№ 4). ПОЛЯНОВСКИЙ, М.—«Лесные люди». РАЗВЕДЧИКИ СОВЕТСКОЙ СУШИ (№ 1). СЕВЕРЯК, Н.—Квартал Востока (№ 14). СЕРТЕЛЬ, С.—Наш пешком по Средней Азии (№ 2). ШАМБИНАГО, С.—В поисках Атлантиды (№ 14). ЯРЦЕВ, Г.—2.203 мили загражденною прохода (№ 17).

СПОРТ

БАРХАШ, Л.—Дорогу рабочему спорту (№ 18). ЕГО ЖЕ—Маршрут по сеням (№№ 23). ЕГО ЖЕ—На астрему рабочей спартакиаде (№ 13). ЗИМИН, Л.—На лыжах и коньках (№ 3). ТАПСЕЛЬ, В.—Спорт в Алагире (№ 22). СТОРОНИН, Л.—Праздник льда и снега (№ 5). УРАЛЕЦ, М.—Сердце охотника (№ 12).

ЛИТЕРАТУРА. ПЕЧАТЬ. ЧТЕНИЕ

БОНЧ-БРУЕВИЧ, В. Д.—Путь Максима Горького (№ 8). ЕГО ЖЕ—Великий борец революционер (К слоганам со дня рождения Н. Г. Чернышевского) (№ 13). ГОРЬКИЙ, М.—О начинаящих писателях (№ 19). ЕГО ЖЕ—Учиться надо, твориши (№ 4). ИППОЛИТ, И.—Вальтер Скотт (№ 23). ЕГО ЖЕ—Великий фантаст (К столетию со дня рождения Ж. Верна) (№ 4). ЕГО ЖЕ—Роман приключений (№ 5). ОРУЖЕЙНИКОВ, Н.—Н. А. Некрасов (№ 2). ЕГО ЖЕ—Л. Н. Толстой (№ 7). «Стихиное» бедствие (№ 5). ЧАРОВ, А.—Пресса (На Кельнской выставке лета (№ 18). КНИЖНАЯ ПОЛКА (№№ 5—21, 23, 24).

ИСКУССТВО. ТЕАТР. КИНО. КЛУБЫ

БОИНОВА, Н.—Выставка «Десять лет ВЛКСМ» (№ 20). КРОНГАУЗ, А.—Достижения нашей клуба (№ 23). ЛИЧАРДСКИЙ, А.—Кому заниматься искусством (№ 23). ЛУНИН, Б.—Траг в Москве (№ 14). МИНДРОВ, А.—Деловой поход (№ 15). МУДРОВ, А.—Клуб по новому (№ 10). М. П.—Об одном вечере (№ 23). ЯДИН, В. и ЗАЛКИНД, Л.—Повесть о цене человека (№ 22). ИХ ЖЕ—Фабрика большого искусства.

Отзывы о кино-фильмах и постановках иллюстраций

Художников. БЕРДЯЕВА, В. (№ 8). БЕРЕНДГОФА, Г. (№№ 21, 22). ЕРЕЯ, А. (№№ 1—7, 18, 21, 24). В. Д. (№№ 2 и 4). ВОЛКОВА, Н. (№ 6). ВЫЛОВА, К. (№ 6). ДЕИНЕКА, А. (№№ 1, 8, 11, 12, 13—21, 24). ДЕНИСОВСКОГО, Н. (№№ 14, 18, 23, 24). КАБАНОВА, И. (№ 10). КУПРИЯНОВА, Н. (№ 12). ЛАПТЕВА, А.—Письмо (№ 9, 11). ТИШПЛАР, Р. (№№ 5, 6).

ОТДЕЛЫ.

ЗАДАЧИ под редакцией Л. РУБИНШТЕЙНА и С. ГЛЯЗЕРЫ (№№ 1—24). ИГРЫ МОЛОДЕЖИ. Под редакцией Л. Л. БАРХАША. (№№ 10, 14, 16, 17, 19, 20, 24). КОМСОМОЛ В ФОТО. (№№ 1, 2, 6, 11). СТИХОТВОРЧЕСТВО. Под редакцией ПЯСТА, В. (№№ 15—24). СТРАНИЦА ЧИТАТЕЛЯ. (№№ 7, 8, 13, 22). ШАХМАТЫ. Под редакцией С. М. СЛОНИМА (№№ 1—24). ШАШКИ. Под редакцией В. В. МЕДКОВА. (№№ 4, 7, 9, 16, 18—22, 24).

ОТКРЫА ПОДПИСКА на 1929 год
НА ДВУХНЕДЕЛЬНЫЙ ЛИТЕРАТУРНО-БЫТОВОЙ ЖУРНАЛ МОЛОДЕЖИ

6-е ГОД ИЗДАНИЯ

,СМЕНА“

6-е ГОД ИЗДАНИЯ

В 1929 году журнал „Смена“ даст своим подписчикам 38 бесплатных и платных приложений

24 НОМЕРА двухнедельного иллюстрированного литературно-бытового журнала „Смена“ в цветной обложке, имеющие за год до 500 страниц журнального формата (1.500 столбцов убористой печати) и около 800 фотографий и иллюстраций лучших художников и фотографов. В журнале „Смена“ будет в 1929 г. печататься:

Романы, повести и рассказы лучших современных писателей. Произведения, рисующие жизнь молодежи, и лучшие произведения начинающих писателей.

Стихи лучших комсомольских поэтов. Постоянная страница начинающих поэтов. Отдел „Стихотворчество“, под редакцией В. Пяста (в 1929 г. будет проведен ряд конкурсов стихотворчества с премиями).

Жизнь и быт молодежи — повести, рассказы и художественные очерки, рисующие жизнь и быт молодежи — дома, на предприятиях, в ячейке, в клубе, учебе, семье и браке, отдыхе. Постоянная дискуссия читателей на бытовые темы. Конкурс на написание лучшего рассказа и художественного очерка, посвященного молодежи.

Молодежь в театре и кино — все новые постановки в театре и кино-картины, изображающие молодежь, с многочисленными фото-снимками.

Физкультура и гигиена молодежи. Игры молодежи на воздухе и дома, под редакцией Л. Баркшиха.

Шахматы, под редакцией С. М. Слонима. Конкурсы решения задач и упражнений с премиями.

Шашки, под редакцией В. В. Медкова. Конкурсы решения задач с премиями.

Задачи и ребусы. Конкурсы решения с премиями.

Книжная полка. Рекомендация книг читателям. Статьи о литературе.

Юмор.

ПОДПИСНАЯ ПЛАТА:

Журнал „СМЕНА“: 1 год — 2 руб., 6 месяцев — 1 руб. 05 коп., 3 месяца — 55 коп. Журнальная „НА СУШЕ И НА МОРЕ“: 1 год — 1 руб. 45 коп., 6 месяцев — 75 коп., 3 месяца — 40 коп. Библиотека „ЖГУЧИЕ ВОПРОСЫ“ (6 книж.) — 35 коп. все книги. „БИБЛИОТЕКА ПУТЕШЕСТВИЙ, ПРИКЛЮЧЕНИЙ И КРАЕВЕДЕНИЯ“ (6 книж.) — 3 рубля все книги.

Желающий выписывать журнал „СМЕНА“ с одним или несколькими приложениями должен, во избежание недоразумений, указать точно — какие именно приложения он желает получить в 1929 году.

ПОДПИСКУ И ЗАКАЗЫ НАПРАВЛЯТЬ по адресу: МОСКВА, Б. Черкасский, 6. Главной конторе периодических изданий Издательства „МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ“ или сдавать всем местным отделениям издательства „ПРАВДА“ и „ИЗВЕСТИЯ“. Всесоюзного контрантентства печати и во все почтово-телеграфные отделения.

СПЕШИТЕ ВНЕСТИ ПОДПИСНУЮ ПЛАТУ ВО ИЗБЕЖАНИЕ ПЕРЕБОЕВ В ПОЛУЧЕНИИ ЖУРНАЛА